

УДК 82 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 5
Ч 75
М.Ю. Чотчаева

Взаимодействие человека и общества в условиях несвободы

(Рецензирована)

Аннотация:

Художественная литература рассматривает проблему человека в тесной связи с его повседневной жизнью, которая охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Множественность образов человека, его безмерная сложность и неисчерпаемость обусловили значительные трудности в его философском и литературном постижении, в адекватно-истинном отражении. Человек, попавший в условия, ограничивающие его свободу, не становится свободным от законов общества, его наказавшего. Рассмотрим это на примере произведений Достоевского «Записки из Мертвого дома», Чехова «Остров Сахалин».

Ключевые слова:

Личность, общество, свобода, проблема человека, каторга, дворяне, народ.

Современная философия рассматривает проблему человека в тесной связи с его повседневной жизнью, которая охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности. Современные философы уделяют серьезное внимание изучению этики, эстетики, права и государства, религии и науки, антропологии, этнографии, психологии, педагогики, литературы и искусства. Но при этом, на фоне философского антропоцентризма, различных проявлений антропоцентризма имеются и другие воззрения на человека, в которых традиционные философские представления об уникальности человека, его близости к Богу обозначаются как какой-то миф или предрассудок. Особенно характерным в этом плане является взгляд Ф.Ницше, видевшего в человеке деградировавшее, биологически ущербное животное, «болезнь Земли», правила жизнедеятельности которого срослись с законами страшного сна. Множественность образов человека, его безмерная сложность и неисчерпаемость обусловили значительные трудности в его философском и литературном постижении, в адекватно-истинном отражении. Рассмотрим это на примере произведений Достоевского «Записки из Мертвого дома», Чехова «Остров Сахалин».

«Записки из Мертвого дома». Роман в двух частях стал печататься в 1860-м году в газете «Русский мир». Первые главы были перепечатаны в журнале братьев Достоевских «Время»,

и весь роман был напечатан в нем в течение 1861 и 1862-го г.г. А. Миллюков пишет в своих воспоминаниях («Литературные встречи и знакомства»): «Сочинение это выходило при обстоятельствах довольно благоприятных, в цензуре веял в это время дух терпимости, и в литературе появились произведения, какие недавно были еще немислимы в печати. Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжных, мрачная канва всех этих рассказов о страшных злодеях и, наконец, то, что сам автор был только что возвращенный преступник, смущало несколько цензуру, но это, однако же, не заставило Достоевского уклониться в чем-нибудь от правды, и «Записки из Мертвого дома» произвели потрясающее впечатление: в авторе видели как бы нового Данте, который спускался в ад, тем более ужасный, что он существовал не в воображении поэта, а в действительности» [1].

За Достоевским к теме сибирской каторги обращаются писатели В.Г. Короленко, С.В. Максимов, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, совершивший поездку в Сибирь и на Сахалин в 1890. Результатом этой поездки явились очерки «Из Сибири» и книга «Остров Сахалин». Перед поездкой на Сахалин Чехов изучал труды по истории русской и зарубежной тюрьмы и ссылки, перечитывал «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Впечатления от чтения последних были, по-видимому, глубокими, т.к. срав-

нение сахалинской каторги с «Мертвым домом» не раз встречается на страницах книги «Остров Сахалин».

В литературе XX века эта тема имеет достойное продолжение в творчестве В. Шаламова, А. Солженицина, А. Приставкина.

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский изображает дно общества: убийцы, грабители, мошенники. Вглядываясь в это «подполье» Достоевский постепенно различает его границы, видит его неоднородность. В начале повествования каторжники кажутся ему серой, враждебной, безликой массой: «Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи и заживо Мертвый дом...» [2].

Постепенно автор в каждом находит что-то человеческое. В одном – силу духа, в другом – доброту, в третьем – любознательность. Например, описывая арестанта Петрова, Достоевский акцентирует наше внимание на силе его характера: «Обыкновенно он молча и решительно ложился под розги, молча терпел наказание и встав после наказаний как встрепанный, хладнокровно и философски смотрел на приключившуюся неудачу. С ним, впрочем, поступали всегда осторожно». Но в этот раз арестант, считая себя правым, решает убить майора, назначившего ему экзекуцию. Майор неожиданно уезжает, поручив исполнение наказания другому офицеру. «Что же касается до Петрова, он преспокойно вытерпел наказание. Его гнев прошел с отъездом майора. Арестант послушен и покорен до известной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не может быть любопытнее этих странных вспышек нетерпения и строптивости. Часто человек терпит несколько лет, смиряется, выносит жесточайшие наказания и вдруг прорывается на какой-нибудь малости, на каком-нибудь пустяке, почти за ничто» [2, 14].

Дно оказалось не совсем дном, в нем даже есть люди, не уступающие тем, что за пределами острога. Есть и осужденные невинно. Жизнь этих людей нелегка, прежде всего, потому, что она не имеет ясной перспективы, а часто – вообще бесперспективна.

Человек жив настоящим, но еще в большей степени – будущим. В любой трудности настоящее переносится легче, если есть будущее. У обитателей острога будущего нет. Это выра-

жено уже в первых строках «Записок из «Мертвого дома»: «В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми.

За этими воротами был светлый, вольный мир, жили люди, как и все. Но по сю сторону ограды о том мире представляли себе как о какой-то несбыточной сказке» [2, 9]. Настоящее, ограниченное тяжелыми воротами, будущее – несбыточное, как сказка, такова перспектива жизни каторжников, отнимающая всякий стимул для существования, разрушающая человека.

Каторжники, несмотря на совместное проживание, внутренне изолированы друг от друга, страшно одиноки. Невозможность физического одиночества при одиночестве внутреннем, гнетуще действует на человека: «Кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другое. Это вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и в других местах; но в острог-то приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживаться с ними, и я уверен, что всякий каторжный чувствовал эту муку, хотя, конечно, большей частью бессознательно» [2, 22].

Арестанты не способны на взаимовыручку, помощь другу – исключение, понятие дружбы извращено и очень быстро переходит в ненависть; единственным существом, которое Горяничков мог назвать другом в остроге, была собака Шарик: «И помню, мне даже приятно было думать, как будто хвалясь перед собой своей же мукой, что вот на всем свете только и осталось теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мне привязанное, мой друг, мой единственный друг – моя верная собака Шарик» [2, 77].

Вспоминая годы каторги, Достоевский писал: «В мертвом доме я пересмотрел всю прошлую жизнь мою, ...вдумывался в мое прошлое, судил себя один неутолимо и строго и даже в иной час благословил судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялся бы ни этот суд над собой, ни пересмотр прежней жизни» [3].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал о Достоевском: «...никакой писатель такого масштаба не был поставлен в более благоприятные условия для наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему

характеру людьми, с которыми ему пришлось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в «Мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя–психолога. Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований...» [4].

Несмотря на все трудности поездки на Сахалин, Чехов также благодарил судьбу за сахалинское путешествие. В тюрьмах Сахалина Чехов видит те же отвратительные явления, что и Достоевский в Омском остроге: «В общих камерах приходится терпеть и оправдывать такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество» [5]. «Кражи здесь обычные... Арестанты набрасываются на все, что плохо лежит... Воруют они в тюрьме другу друга...» [5, 325]. Постоянное общение с чуждыми друг другу людьми, «товарищество из-под палки и плети» тяжело для осужденного.

Как отмечает Достоевский, дружба между арестантами не возникала. «Все они были друг другу чужие» [6].

Совсем иное мнение о нравах осужденных высказывает писатель С.В. Максимов. Если Достоевский писал, что доносы, наушничество – обычное явление на каторге и никого не удивляет, то С.В. Максимов пишет о том, что доносы – самое нетерпимое из всех тюремных преступлений, а ябедники и доносчики встречаются на каторге довольно редко. Здесь у С.В. Максимова заметна идеализация каторжан. Возможно, такие факты и были, но писатель говорит о них как о повсеместном и абсолютно-типичном явлении.

Чехов в реалистической манере изображения нравов каторжан близок к Достоевскому. Постепенно, внимательно присматриваясь к заключенным, «Достоевский, благодаря художественно-психологическому дару проникать в душу другого человека, разглядел в ...толпе арестантов разные индивидуальности, личности, пусть поковерканные, искаженные...» [7]. Первоначальное мрачное впечатление исчезает.

В письме брату Михаилу перед отправкой на солдатскую службу Достоевский писал: «Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил, наконец, людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело бывало под грубой корой отыскивать золото. И не

один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны» [8].

Д.И. Писарев в статье отмечал, что если арестанты любили молодого горца Алея, умели оценить красоту его души, это значит, что они вообще были способны любить бескорыстно чистое, свежее, кроткое и прекрасное существо. Об этом же говорит их отношение к старику-старобрядцу, которого арестанты называли дедушкой, отдавали ему деньги на хранение, никогда не обижали.

По выходе из каторги в первом письме брату 22 февраля 1854 года Достоевский писал: «Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, то народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его... Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ» [9]. Показав все ужасы каторги, в конце книги «Записки из Мертвого дома» Достоевский с горечью отмечает: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно...» [10]. Впечатление от каторжан у Достоевского улучшается постепенно. Вначале он видит в них только безликую массу, затем познает в арестантах разные народные типы, и, наконец, видит в них даровитых, даже лучших людей из народа, загубленных каторгой.

А.С. Кирпичников считал «великим открытием» Достоевского в «Мертвом доме» открытие народа: «Подозревал ли кто-нибудь до выхода в свет «Записок из Мертвого дома», сколько благодушных, истинно хороших людей, при иных условиях идеально добрых граждан находятся между бритыми кандальниками? Знал ли кто-нибудь, что и масса состоит из преступников случайных, и что имя, которое им дает русский народ: несчастные, вовсе не евфемизм, а скорее свидетельство его здравого смысла, что и в тех ужасных условиях, в которые они поставлены там, в Мертвом доме, они

остаются людьми со всеми человеческими слабостями, но и способностью сильно чувствовать добро, красоту и истину?» [11].

В современном литературоведении «Записки из Мертвого дома» рассматриваются примерно в том же ключе. Характерны сами названия работ о «Мертвом доме»: «Народный мир в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского» – Ю.В. Лебедева доказывает, что главное в книге – «целостный образ народного мира»; «Книгой о народе» называет ту часть своей книги «Творчество Достоевского 1854-1862» В.А. Туниманов, которая посвящена «Запискам».

Е.А. Акелькина считает, что главное для Достоевского в повествовании о каторге – изображение стихии народной жизни: «Повесть тяготеет к освоению не действия, а бытия; стихия общенародной жизни раскрывается через смену впечатлений повествователя, активность которого адресована читателю, а не направлена на героя, как в романе» [12].

Г.М. Фридлиндер в одной из своих статей пишет, что в «Записках» сферой наблюдения Достоевского оказалась не физиономия «культурного слоя» русского общества, но материальная и духовная жизнь обитателей омского острога, т.е. той особой части «большинства» населения тогдашней России, которая, независимо от того, происходили ли составлявшие ее люди из верхов или низов, из дворянской или народной среды – была поставлена условиями жизни каторги вне официального законопорядка. Еще важнее другое: главным героем «Записок» оказался не тот или иной отдельный персонаж, но вся страна, Россия, народ, их исторические судьбы в настоящем и будущем» [13].

Достоевский пережил в остроге еще и личную трагедию. Четыре года прожил он, окруженный 250 врагами, которые не скрывали своей ненависти к дворянам и с «любовью смотрели на их страдания». Когда страшный Газин собирался раздробить дворянам головы тяжелым лотком для хлеба, арестанты молча ждали: «Ни одного слова в защиту нас! Ни одного крика на Разина! – до такой степени была сильна в них ненависть к нам! Им, видимо, приятно было наше опасное положение...» [14].

Наблюдения над обитателями Мертвого дома приводят Достоевского к выводу о непримиримом противоречии между каторжниками из народа и из дворян. Уже в самом нача-

ле Достоевский пишет, что «на бывших дворян в каторге вообще смотрят мрачно и неблагоприятно» [14, 20].

Позже, во второй части книги, автор признается: «Ненависть, которую я, в качестве дворянина, испытывал постоянно в продолжение первых лет от арестантов, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядом. В эти первые годы я часто уходил, безо всякой болезни, лежать в госпиталь, единственно для того, чтоб не быть в остроге, чтоб только избавиться от этой упорной, ничем не смиримой всеобщей ненависти. «Вы – железные носы, вы нас заклевали!» – говорили нам арестанты, и как я завидовал, бывало, простонародью, приходившему в острог! Те сразу делались со всеми» [14, 176]. Заключает эти рассуждения Достоевский выводами о том, что дворянину, каким бы он хорошим человеком не был, никто не верит. Поэтому, считает Достоевский, все попытки познать людей «из простонародья» обречены на провал, любое заключение будет лишь «оптимистическим обманом».

Рассказы Чехова «Новая дача» и «Мужики» как бы иллюстрируют мысль Достоевского о бездне, разделяющей мужиков и землевладельцев.

Пропасть между высшим сословием и простым народом оказалась глубже и непроходимее, чем казалось многим народолюбцам. Европейски цивилизованный дворянин – чужой для народа: необходимы долгие и упорные старания, чтобы заслужить его доверие. Четыре года изводили каторжники Достоевского, преследовали его своей жестокой ненавистью, а он любил их и добивался их любви. В огромном большинстве они остались непримиримы. Достоевский не замыкается в чувстве своей правоты и нравственного превосходства, как делали это ссыльные поляки, не озлобляется, но и не дает себя раздавить. Достоевский совершает величайший акт христианского смирения, признавая, что они «необыкновенный народ», что в них – душа России. В кромешном аду каторги писатель нашел то, перед чем преклонялся всегда – русский народ: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа, – пишет он, – это чувство справедливости и жажда ее... Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков, и

иной увидит в народе такие вещи, о которых и предугадывал. Не многому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, напротив, сами они еще должны у него поучиться» [15]. Так Достоевский – народник родился на каторге.

У Чехова также усилился интерес к народной теме после поездки в Сибирь и на Сахалин. Эта проблема является общей для русской классической литературы. Каждый писатель внес свой вклад в развитие этой темы, Достоевского и Чехова многое роднит в разработке этой проблемы. Раздумья о народе были вызваны наблюдениями и впечатлениями каторги, хотя разное миропонимание писателей, разные исторические эпохи их жизни наложили отпечаток на разработку ими темы народа: В «Дневнике писателя» за 1876 год Достоевский писал: «За литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, преклоняется перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» [15, 4]. Понятие «народной правды» являлось для позднего Достоевского основополагающим и пронизывало все его творчество и публицистику. Достоевский выделяет два основных качества русского народа: страстное стремление к истине и глубокое недовольство действительностью.

Существует мнение, что Достоевский идеализирует русского мужика, особенно в последний период творчества. Достоевский считал, что под внешней грубостью, невежеством часто можно найти настоящую душевную красоту. Это не идеализация, это стремление Достоевского внимательнее вглядываться в простого человека. Достоевский считал, что русскому народу можно многое простить, если пристальнее вглядеться в его историю: «Нам всего ждать от народа нашего», – говорил Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1876 год он отмечает: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту от его наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был развращен, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и

святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает... Есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!» [15, 43].

Чехов перекликается с Достоевским в этом вопросе: «Русская жизнь, – писал Чехов в письме Д.В. Григоровичу, – бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня» [16]. Позиция обоих писателей одина в стремлении показать не отдельную личность в несвободном обществе, а само общество. На первом плане в обоих повествованиях выходит не только судьба повествователя, не только образ жизни арестантов, но намного шире – образ народа в царской империи.

Примечания:

1. Милоков А.П. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (Время. Кн. 4) // Светоч. 1861.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. т. 4. М., 1972.
3. Достоевский Ф.М. Письма: в 4 т. / Под ред. и с примеч. Долинина. М., 1928-1959.
4. Семенов-Гян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 2. М., 1946.
5. Чехов А.П. Сочинения: В 18 т. Т. 14-15. М., 1987.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. М., 1972.
7. Кирпотин. В.Я. Достоевский-художник. Этюды и исследования. М., 1983.
8. Достоевский Ф.М. Письма: в 4 т. / Под ред. и с примеч. Долинина. М., 1928-1959.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 20. Л., 1972-1988.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. М., 1972.
11. Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. Т. 1. 2-е изд. М., 1903.
12. Акелькина Е.А. Некоторые особенности повествования в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Проблемы метода и жанра. Вып. 7. Томск, 1980.
13. Фридлиндер Г.М. Эстетика Ф. Достоевского // Вопросы философии. 1971. № 11.
14. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М., 1972.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1888.
16. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. (соч. в 18 т., письма в 12 т.). М., 1974-1983. Т. 11:2.